

- Lenfant, D. 2003: Des décrets contre la satire: une invention de scholiaste? (Pseudo-Xén. II, 18, *schol. Ach.* 67, *schol. Av.* 1297). *Ktema* 28, 5–31.
- Lyubimova, O.V. 2015: [Concept “populares” in Modern Historiography]. *Vestnik drevnej istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 190–207.
- Любимова, О.В. Понятие «популярные» в современной историографии. *ВДИ* 1, 190–207.
- Pina Polo, F. 2012: *Veteres candidati*: Losers in the Elections in Republican Rome. In: *Vae victis! Perdedores en el mundo antiguo*. Barcelona, 63–82.
- Pozdnev, M.M. 2014: [Theatrical Death from the Perspective of the Ancient Poetics]. In: *Drevniy mir i my: klassicheskoye naslediye v Evrope i Rossii*. Vyp. 5 [*Ancient World and Us: Classical Heritage in Europe and Russia*. Issue 5]. Saint Petersburg, 94–104.
- Позднев, М.М. Смерть на сцене: ремарки классических поэтик. В сб.: *Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России*. Вып. 5. СПб., 94–104.
- Schauer, M. 2011: *Cum tacent, clamant*. “Beredtes Schweigen” als Instrument rhetorischer Strategien bei Cicero. *Rheinisches Museum für Philologie* 154, 300–319.
- Smyshlyaev, A.L. 2003: [People, Power and Law in Late Republican Rome (On F. Millar’s Conception)]. *Vestnik drevnej istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 46–60.
- Смышляев, А.Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара). *ВДИ* 3, 46–60.
- Stone, A.M. 1998: A House of Notoriety: an Episode in the Campaign for the Consulate in 64 B.C. *Classical Quarterly* 48, 487–491.
- Surikov, I.E. 2005: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Arkhaika i rannyya klassika* [*Ancient Greece: Politicians in the Context of the Epoch. Archaic and Early Classical Periods*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.
- Syme, R. 1964: *Sallust*. Berkeley–Los Angeles.
- Verzhbitskiy, K.V. 2014: [The Fall of Sejanus: Was There a Conspiracy?]. *Mnemon* 14, 203–210.
- Вержицкий, К.В. Падение Сеяна: а был ли заговор? *Мнемон* 14, 203–210.
- Wade-Gery, H.T. 1951: Miltiades. *Journal of Hellenic Studies* 71, 212–221.

Vyacheslav K. Khrustalev
Herzen State Pedagogical University
of Russia, St.-Petersburg, Russia

vyacheslav2511@gmail.com

В.К. Хрусталёв,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
всеобщей истории
РГПУ им. А.И. Герцена

Vestnik drevnej istorii
76/4 (2016), 1038–1048
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/4 (2016), 1038–1048
© Автор(ы) 2016

САЛЛЮСТИЙ В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Еще Веллей Патеркул (II. 36. 2) называл Саллюстия *aemulus Thucydidis*, став первым, кто обозначил указанную в заглавии обзора проблему. Она давно уже является предметом исследования антиковедов, которые, естественно, анализируют ее в куда более широком контексте. Обратимся к публикациям последних лет.

Одну из глав в своей монографии «Героизация варваров: речи врагов в римской историографии» Эрик Адлер посвятил анализу письма, составленного от лица понтийского царя Митридата VI Евпатора и адресованного царю Парфии Фраату III Теосу с целью добиться присоединения последнего к антиримскому союзу Понта и Армении (Sall. Hist. IV. 69)¹. Лейтмотивом письма Митридата является развернутая критика римского «империализма» — политики территориальной экспансии римлян, якобы обусловленной *cupido profunda imperi et divitiarum* («глубоко укоренившимся в них

¹ Ссылки на «Историю» Саллюстия даются по изданию Б. Мауренбрехера.

желанием владычества и богатств» – IV. 69. 5; здесь и далее пер. В.О. Горенштейна)². Адлер полагает, что письмо в основе своей было написано Саллюстием, возможно, с минимальными вкраплениями фрагментов текста подлинного царского письма (если таковое имелось в его распоряжении) и элементов аутентичной понтийской пропаганды (с. 17)³. По мнению Адлера, в процессе создания своей «антиримской диатрибы» Саллюстий, реконструируя аргументацию Митридата, ориентировался на соответствующие модели в греко-римской историографической традиции (с. 19), в числе которых – приведенные в «Истории» Фукидида речи послов керкирян и коринфян в афинском народном собрании (Thuc. I. 32–43).

В начале письма Митридата⁴ приводятся примеры вероломства и агрессивности римлян по отношению к эллинистическим царям в 200–74 гг.⁵ Тем самым Митридат стремится убедить своего адресата, Фраата III, в неизбежности войны между Римом и Парфией в будущем (Sall. Hist. IV. 69. 6–9). Проанализировав аргументацию Митридата, рассчитанную, по мнению Адлера, скорее на римскую аудиторию, нежели на царя Фраата, исследователь пришел к ряду интересных выводов. Во-первых, степень достоверности Митридатовых инсинуаций неуклонно снижается от примера к примеру⁶ (речь идет о проявлениях коварства, вероломства и агрессивности римлян по отношению к Филиппу V, Антиоху III, Персею, Эвмену II и Никомеду IV). Вероятно, не слишком эрудированному римскому читателю было бы затруднительно заметить присутствующие в тексте натяжки и преувеличения; вместе с тем означенные *exempla* нельзя считать абсолютной фальсификацией (с. 20–23). Аргументация Митридата становится более убедительной, когда он говорит о собственном негативном опыте военных и дипломатических контактов с римлянами в 88–69 гг. (Sall. Hist. IV. 69. 10–15; Adler, 2011, 23). По мнению Адлера, из этой аргументации с неизбежностью следует вывод: алчные до чужих земель и богатств римляне живут в мире с соседями только тогда, когда у них самих дома начинаются распри (с. 25–26).

Э. Адлер отмечает следующий принципиальный момент: в своих произведениях Саллюстий подвергает резкой критике лишь современный ему римский «империализм» со всеми его издержками, тогда как славные деяния великих предков (*maiores*) остаются для него идеалом (Sall. Cat. 9. 1–5; 12. 3–5; 53. 4). В этом смысле едва ли 1-я и 2-я Пунические войны могли служить в глазах Саллюстия примерами «агрессивного экспансионизма» (с. 30). Какую же цель преследовал Саллюстий, создавая письмо Митридата? Осудить агрессию Рима в отношении Парфии или заклеймить коррупцию должностных лиц в самом Риме? По мнению Адлера, отчасти и то, и другое (с. 32). Не подлежит сомнению лишь сам факт критического отношения историка к внешнеполитическому курсу сенатской республики⁷. Важно отметить следующее: если в произведениях Саллюстия сами римляне (положительные герои вроде Гая Меммия или Катона Младшего) отмечают то, что современная им римская гражданская община изменила «заветам предков» (*mores maiorum*) и идет по неверному пути из-за *corruptio morum*, то враги Рима – варвары – не делают этого различия между «славным прошлым» и «жалким настоящим», порицая и обличая римлян и их внешнюю политику во вневременном аспекте (с. 34).

Э. Адлер считает, что рассуждения Митридата об угрозе Парфии со стороны Рима (Sall. Hist. IV. 69. 19) выглядят вполне обоснованными. Разумеется, Саллюстий не мог не помнить о катастрофе при Каррах, о несостоявшейся военной экспедиции Цезаря и о фиаско, постигшем Антония. Видимо, он критически относился к политике Рима в отношении Парфии (с. 27, 32)⁸. Кроме того, Адлер находит у писателя прямую связь между обличением «упадка нравов» в Риме⁹ и очевидными издержками внешнеполитического курса Республики. В глазах Саллюстия проявлением алчности и стяжательства римской элиты во внешней политике является экспансионизм,

² Э. Адлер (Adler 2011, 20) несколько неожиданным образом усматривает здесь параллель с *ubi solitudinem [Romani] faciunt pacem appellant* тацитовского Калгака (Tac. Agr. 30. 5).

³ Cp. Adler 2006, 388, nt. 24. По мнению Б. Макгинга, ключевым пунктом антиримской «пропаганды» Митридата VI был тезис о том, будто римляне относятся враждебно ко всем царям и к царской власти в принципе (McGing 1986, 104–105).

⁴ Вводная, «теоретическая» часть письма (Sall. Hist. IV. 69. 1–2) перекликается, по мнению Адлера, с началом речи керкирян у Фукидида (I. 132. 1); см. Adler 2011, 19.

⁵ Здесь и далее все даты, относящиеся к античности, – до новой эры.

⁶ Подобная очередность аргументов (наиболее убедительные – в начале речи) соответствовала риторической традиции (*Rhet. Her.* III. 18; cp. Quint. *Inst.* VII. 1. 10–11).

⁷ См. Adler 2006, 396.

⁸ Cp. Adler 2006, 394–395.

⁹ Sall. *Iug.* 2. 4; 4. 7; 9; 25. 3; 31. 20; 35. 10; 41. 1–10; *Cat.* 3. 3–5; 5. 8; 11. 8, etc.

подвергнутый в письме Митридата резкой критике (с. 31). Таким образом, обличая в своих сочинениях пороки (*vitia*) коррумпированной сенатской олигархии, Саллюстий критиковал и проводившийся этой олигархией внешнеполитический курс¹⁰. Разница лишь в том, что в «Югуртинской войне» он в большей степени порицал бездеятельность римлян, тогда как в письме Митридата — их агрессивность (с. 29).

В статье «Кто настроен антиримски? Саллюстий и Помпей Трог о Митридате»¹¹ Э. Адлер поставил письмо Митридата у Саллюстия (*Hist. IV. 69*) и речь Митридата у Помпея Трога (*Iustin. XXXVIII. 38. 4–7*)¹². Исследователь считает, что Митридат Саллюстия гораздо критичнее настроен по отношению к римскому «империализму», нежели Митридат Помпея Трога (с. 385–386). Адлер пишет о попытке Саллюстия «реконструировать вероятную аргументацию антиримски настроенного восточного царя» (с. 389). По мнению ученого, назначение этой «смеси аргументов разной степени убедительности» — осудить политику Рима на Востоке (с. 395–396). Оба автора вкладывают в уста Митридата «антиримскую» аргументацию; Адлер полагает, что доводы «римлянина» Саллюстия выглядят гораздо убедительнее, нежели «галла» Помпея Трога (с. 396 слл.). Помпей Трог сочинил речь Митридата, взяв за образец его письмо из «Истории» Саллюстия (с. 397–398, 402). В этом убеждает ряд текстуальных совпадений: так, Митридат у Помпея Трога тоже сравнивает Рим с разбойником (*latro*), говорит о ненависти римлян к царям и их ненасытной алчности (*Iustin. XXXVIII. 4. 2; 6. 7–8*). Адлер считает, что более или менее начитанному римскому читателю было нетрудно обнаружить слабые места в аргументации Митридата у Помпея Трога; напротив, проверить Саллюстия было гораздо сложнее (с. 400–402).

В работе Э. Адлера содержатся интересные наблюдения над текстом Саллюстия и Юстина. Однако тезис о критике Саллюстием римского «империализма», весьма популярный в историографии, вызывает сильнейшие сомнения. Передержки и просто вымысел в письме Митридата — по крайней мере в глазах римлян — столь значительны, что более или менее знакомые с историей римские читатели (а Саллюстий рассчитывал явно не на малообразованную аудиторию) не могли воспринимать всерьез обличения со стороны понтийского царя: он утверждает, будто Эвмена II римляне «выдали Антиоху в уплату за мир»; называет завещание Аттала III римской подделкой; объявляет себя «освободителем» Греции, хотя в Афинах его сторонники установили тиранию; сами римляне — «пришлецы без родины, без родителей» (*convenas olim sine patria parentibus*), созданные на погибель сему миру (*Hist. IV. 69. 8, 11, 17*), etc.¹³ Все это куда больше напоминает пародию на антиримскую пропаганду, творцам которой приписываются откровенно нелепые (особенно в глазах римлян) утверждения, а потому считать, будто Саллюстий разделял мысли «своего» Митридата и тем самым обличал римскую агрессию, вряд ли верно.

К проблеме изображения чужеземцев в произведениях Саллюстия и других античных авторов обратился в своей диссертации Джеймс Хлап¹⁴. Он указывает на то, что у Саллюстия (*Iug. 5. 1*), Ливия (*XXI. 1. 2*) и Тацита (*Agr. 30.2*) в связи с темой военно-политического противостояния римлян и варваров возникает тема переменчивости фортуны. Она «является центральной для понимания Саллюстием Югуртинской войны» (с. 66, см. прим. 18). Ученый обнаруживает явные параллели между образами Югурты у Саллюстия и Ганнибала у Ливия (с. 71). Оба африканских героя, бросивших вызов римскому могуществу (с. 67), наделены рядом достоинств, присущих *vir bonus* и свидетельствующих об их незаурядности (*Sall. Iug. 6. 1; Liv. XXI. 4. 3–7*). По выражению Хлапа, Югурта и Ганнибал наряду с Клеопатрой составляли своего рода «африканский триумвират», враждебный Риму (с. 108). Кроме того, ученый полагает, что образ Ганнибала как опаснейшего врага Рима во многом «списан» Ливием с созданного Саллюстием образа Катилины (*Cat. 5. 1–8*), причем первый, по его мнению, является всего лишь «слабым подобием» Саллюстиева оригинала (с. 74, см. прим. 35). Наконец, Хлап

¹⁰ По мнению К. Бюхнера, критика Саллюстием римского «империализма» была обусловлена тем обстоятельством, что его собственная политическая карьера к этому времени бесславно завершилась (Büchner 1982, 19–20). Вместе с тем Саллюстий, описывая деяния римлян и варваров, критически относился и к тем, и к другим, хотя и, заметим, по разным причинам. При этом он стал первым известным нам римским историком, кто активно использовал в своем труде источники неримского происхождения (имеются в виду *libri* царя Гиёмпсала II). См. Chlup 2004, 10, 17–18.

¹¹ Adler 2006, 383–407.

¹² Передавая общий смысл обращения царя Митридата к своему войску, Помпей Трог прибег к косвенной речи. Он порицал Саллюстия и Ливия за то, что они в аналогичных случаях использовали прямую речь, нарушая этим законы исторического повествования (*Iustin. XXXVIII. 3. 11*).

¹³ Подробнее со ссылками на литературу см. Korolenkov 2009, 113–115.

¹⁴ Chlup 2004, преимущественно главы 1–2.

подчеркивает значение сопоставления пар «римлянин – варвар» у Саллюстия, Ливия и Тацита, когда «речи» героев, прямые или косвенные, помогают понять, кому из них двоих автор оказывает предпочтение. Примерами такого литературного приема могут служить Сулла и Бокх у Саллюстия (Iug. 102 – см. о них ниже), Сципион и Ганнибал – у Ливия (XXX. 30–31), Агрикола и Калгак – у Тацита (Agr. 30–34; Chlup 2004, 56–57, 125).

По мнению Дж. Хлапа, описывая Африку и населявшие ее народы, Саллюстий (Iug. 17–19) констатировал скромное влияние этой части света на судьбы римской державы; «Германия» Тацита стала примером иного взгляда на вещи (с. 14, прим. 25). Кроме того, если Саллюстий и Ливий, писавшие о *virtus* Югурты и Ганнибала, рассказывали римскому читателю о варварах (карфагенянах и нумидийцах), побежденных римлянами и перешедших под их власть, то Тацит создал в «Германии» образ «благородных дикарей», наделенных той же *virtus* германцев, которых римляне так и не смог ли покорить, несмотря на все их усилия (с. 181, прим. 2). Для Тацита (Germ. 37) германцы были самыми опасными врагами Рима, победить которых едва ли представлялось возможным в обозримом будущем (с. 208–209).

В 2013 г. вышла в свет статья того же автора «Мелосский диалог у Саллюстия: Сулла и Бокх в *Bellum Iugurthinum*»¹⁵. В ней Дж. Хлап развивает идею о критике Саллюстием римского «империализма» на примере переговоров Бокха и Суллы в Iug. 102, 108–111. Как следует из названия работы, они сравниваются с мелосским диалогом у Фукидида – роль афинян играют здесь, разумеется, римляне в лице Суллы. При этом последним давалась выше нелицеприятная оценка уже от имени Югурты (Iug. 81. 1) – «исключительно важный пассаж, в котором Саллюстий кладет начало критике римского могущества устами неримлянина» (с. 195). Теперь она получает дальнейшее развитие. Сулла без обиняков предлагает мавретанскому царю выбор между войной и миром, который можно получить лишь через подчинение условиям римлян, Бокх может быть либо *amicus*, либо *servus*. «Саллюстий показывает, как в имперском дискурсе происходит очевидная эволюция от требований подразумеваемых к [требованиям] открытым» (с. 203). При этом Сулла утверждает, будто римляне применяют силу неохотно и что выгода от дружбы с ними велика, однако это ложь, ибо они не спасли своего *amicus et socius* Адгербала. Саллюстий пишет о коварстве Бокха (*Punica fides*), что превращает мавретанцев в потомков карфагенян, но, по мнению Хлапа, он делает это для того, чтобы вызвать сомнение у читателя, и когда тот усомнится, то присоединится к критикам римского империализма. Однако в целом личность Бокха, *rex et barbarus*, не вызывает у Саллюстия симпатий. Мавр вынужден подчиниться требованиям римлян, и это укрепляет их сознание собственной неодолимости. «Будучи первым представителем “зрелой” латинской историографии, Саллюстий разработал образец описания взаимодействия римлян и неримлян, которое, как показывают переговоры Бокха и Суллы, превращается в разговор о непобедимости римской мощи. Успех Саллюстия [в этом вопросе] весьма важен, поскольку его последователи, Ливий и Тацит, писали в идеологических рамках, недвусмысленно заданных [рассказом] об этих переговорах» (с. 205).

Статья Дж. Хлапа не лишена любопытных наблюдений и выводов, однако сравнение с мелосским диалогом представляется не вполне удачным, поскольку Мелос был гораздо более слабым противником для Афин, нежели Бокх для римлян, да и требования к нему предъявляются куда более скромные, чем к мелосцам. К тому же такое сравнение подразумевает осуждение Саллюстием действий римлян, но куда более верной представляется упомянутая выше точка зрения о том, что в *Bellum Iugurthinum* порицается инертность римлян, а не римский «империализм», обличения же их из уст Югурты воспринимать как выражение мыслей самого Саллюстия невозможно – нумидийский царь при всех своих достоинствах является врагом Рима, вдвойне опасным потому, что он способствует моральному разложению римской верхушки. Наконец, вряд ли можно считать просто ложью слова Суллы о благодеяниях со стороны римлян только потому, что они не оказали помощи Адгербалу – ведь Ливий, приводящий призыв испанского вождя не помогать римлянам, которые не спасли Сагунт (XXI. 19. 9–10), не считал, что римское господство не идет на пользу покоренным народам. Саллюстий же об Адгербале в данном контексте вовсе не упоминает, и вряд ли случайно, так как гибель последнего – на совести торговых *rauci*, к тому времени, по мысли писателя, уже лишившихся влияния на ход войны.

Дэниэл Дж. Кэпаст в своей книге уделил немало внимания сравнительному анализу политологических концепций латинских авторов, в том числе и Саллюстия¹⁶. Его исходная точка – соотношение между свободой и риторикой и их связь с политическими конфликтами. Ученого интересуют труды Саллюстия, Ливия и Тацита как источники для исследования противоречий

¹⁵ Chlup 2013, 191–207.

¹⁶ Kapust 2011, преимущественно главы 1–2.

в рамках этих связей. По мнению Кэйпаста, «каждый из них по-своему осмысливает место риторики в политическом сообществе и ее соотношение со свободой и социальными и политическими конфликтами» (с. 22).

У Саллюстия, как известно, важнейшие изменения в истории Рима связаны с двумя событиями. Первое, изгнание царей, благотворно повлияло на *civitas* – в условиях свободы римляне стали в поисках славы проявлять свои лучшие качества¹⁷, принося тем самым пользу отечеству. Однако после падения Карфагена все изменилось, ибо в отсутствие угрозы со стороны внешнего врага люди избавились от необходимости следовать *mos maiorum* и предались порокам. (По иронии судьбы, отмечает Кэйпаст, ответственность за разрушение Карфагена нес, как считалось, Катон Старший, также ярый враг порчи нравов, к которой, по мнению Саллюстия, и привело уничтожение этого города.) В таких условиях слова начинают менять смысл, дурные наклонности и дела прикрывают благопристойными словами, и риторика становится для Саллюстия признаком разложения, усиливая вражду между гражданами (с. 29–31, 39).

В этом взгляды Саллюстия сильно отличаются от соответствующих воззрений Цицерона, который больше уповал не на коллективный страх как сдерживающий фактор, а именно в риторике видел средство, способное внести мир и порядок в конфликтующее общество. И если мир у Саллюстия оказывается вредоносным для *civitas*, то Цицерон считает, что именно в условиях мира процветает красноречие (с. 27–31, 39).

Расхождение между обоими авторами мы наблюдаем и в описании заговора Катилины, где главными героями у Саллюстия оказываются Цезарь и Катон, а вовсе не Цицерон, о речах которого говорится мало, хотя первая Катилинария и оценивается как блестящая и полезная для государства (Sall. Cat. 31.7). Еще больше разница между воззрениями обоих мыслителей проявляется во взглядах на историю. Цицерон считал ее вотчиной оратора, хотя и знал о правилах (не вполне совпадавших с риторическими), по которым нужно ее писать. Однако для Саллюстия образец историка – Фукидид, о котором Цицерон не всегда отзывался с похвалой (см. Cic. Or. 30), поскольку его стиль не соответствовал тем целям, которые ставил перед историей римский оратор (с. 34–36, 142).

Но и с самим Фукидидом Саллюстий не во всем согласен. Вслед за ним он, как уже говорилось, указывает на смену смысла слов как следствие порчи нравов, однако если у афинского историка это результат условий, порожденных войной, то у его римского последователя такое происходит в результате порчи нравов, начавшейся, напротив, в условиях мира. Опасения Миципы в отношении Югурты (Iug. 6. 3), которого он подозревает в чрезмерном стремлении к власти (*natura... avida imperi*) и вообще удовлетворении желаний (*animi cupidinem*), – эхо фукидидовских *πλεονεξία* и *φιλοτιμία*, сдерживаемых, как считал Саллюстий, страхом. Страх в его глазах – свидетельство «динамической и соревновательной природы политического сообщества Рима. Это было сообщество, воплощавшее соперничество, характеризующееся антагонизмом между индивидами и группами, сдерживаемое отчасти коллективным страхом, а отчасти – гражданскими добродетелями. Проблему представлял не антагонизм сам по себе; проблема состояла в том, чтобы ограничивать антагонизм или давать ему конструктивный выход» (с. 31). На заре своей истории римляне боролись за славу, а не за власть, наградой было и богатство, но добытое честно. Случались и конфликты между не одними лишь индивидами, но и целыми группами, на что указывает Меммий, говоря о сессиях (Sall. Iug. 31.17). При этом в глазах Цицерона не все народные выступления вредны, благодаря им были изгнаны цари, создан трибунал и т.д. (Cic. Or. II. 124). Сдерживать распри или урегулировать их, если они все же возникли, должен не страх перед врагом, как у Саллюстия, а мудрый и искусный оратор, поэтому в отсутствие антагонизма от ораторов вообще мало пользы (с. 44–47, 76).

Любопытно, что при описании раннего Рима Саллюстий сам придает словам разный смысл, в чем упрекает других: *audacia*, в которой он обвиняет Катилину, проявляли на войне предки (Cat. 9. 3); манипулирует он моральными терминами и при сравнении Цезаря и Катона, каждый из которых добродетелен. В своих речах они исходят из разных посылок: Цезарь апеллирует к представлениям о почетном и полезном, Катон – о безопасном, речь первого – эхо цицероновского *De inventione*, второго – *Rhetorica ad Herennium*, а равно и воззрений самого Саллюстия. Цезарь (= фукидидовский Диодот), в чьей речи нашли отражение исторические и повествовательные наклонности самого Саллюстия, советует сенаторам не поддаваться *odium*, *amicitia*, *ira*, *misericordia*. Отчасти это является автопортретом писателя, который начал писать, когда *spe, metu, partibus rei publicae animus [eius] liber*

¹⁷ Здесь автор упускает напрашивающуюся параллель с Геродотом (V. 78), который связывал достижение афинянами могущества с обретением ими свободы (Heldmann 1993, 100, Anm. 278 со ссылкой на К. Вретска).

erat (Cat. 51. 2; 4. 2). Перекликается с воззрениями автора и апелляция к нравам предков, на которых ссылается Цезарь. Катон же нападает на *tuta*, а не *honestas*, говоря в духе фукидидовского Клеона, но применяя тактику Диодота, для которого безопасность также выше почета. И так же, как сам Саллюстий, он порицает смену вещами их истинных имен. Однако Катон в условиях новой угрозы, на сей раз не внешней, а внутренней, ненадолго возвращает вещам их истинные имена (с. 60–61, 68–75).

И еще один момент. Рим возрос выдающейся доблестью немногих (*paucorum civium egregiam virtutem*: Sall. Cat. 53. 4)¹⁸. У Цицерона же мы читаем, что государственный строй Рима, в отличие от греков с их законодателями – Миносом, Ликургом, Солоном и другими, – создавался многими людьми и в течение многих жизней (Cic. Rep. II. 2). В то же время он указывает на немалую роль в становлении Рима Ромула и Нумы, причем первого прямо уподобляет Ликургу (Rep. II. 15). И здесь Д. Кэйпаст проводит интересное сравнение Саллюстиева Катона с первым царем Рима, а Цезаря – со вторым, ибо деяния того и другого дополняли друг друга: Ромул заложил основы мощи Рима, создал сенат, тогда как Нума смягчил нравы. Нечто подобное мы наблюдаем и в случае с Катоном и Цезарем – первый суров и честен, второй – мягок и сострадателен, между ними нет антагонизма (хотя при обсуждении в сенате они и занимают разные позиции), они воплощают различные аспекты римской *virtus*. Таким образом, оппозиции полезны в том случае, когда уравнивают и дополняют друг друга, как это имеет место с *corpus* и *animus*, с противопоставления которых начинает Саллюстий (Cat. 1. 2; Jug. 2. 1). И немалую роль здесь играет риторика – пусть она не гарантирует ни успеха, ни доверия, ни единодушия, «но без дискуссии и риторики нельзя принимать решения и трудно, если вообще возможно, поддерживать основанное на доверии общение и политическое сообщество, а энергия противоборствующих сторон не будет иметь безопасного выхода в приемлемых рамках, вместо открытой агрессии» – явное влияние Фукидида (III. 42; Kapust 2011, 71–80).

Несколько иная точка зрения на развитие общества вообще и Рима в частности у Тита Ливия. Для него римская *civitas* прежде всего иерархическая структура, основанная на отношениях между высшими и низшими. Если Саллюстий, похоже, усматривал определенную пользу во внутренних конфликтах (они могут быть благотворны, если не выходят за известные рамки), то для Ливия они – несомненное зло, примирению же сторон способствует не столько внешняя угроза, хотя и это не отрицается, сколько риторика. Ливий ближе к Цицерону, нежели к Саллюстию, «подчеркивая согласие и добрую волю. Риторические конструкции у Ливия служат созданию доверия и гармонии в государстве, укрепляя согласие и сотрудничество различных его членов». Тема *concordia* весьма занимает его, как и Саллюстия, особенно в первой декаде; римляне способны одолеть самого сильного врага, если будут заботиться о мире и согласии между собой (Liv. IX. 19. 17). «Сила благодаря согласию и согласию как признак силы – по-видимому, значительное влияние Саллюстия». Что же касается упадка Рима, то у последнего он носит более «одномоментный» характер, начавшись после падения Карфагена, тогда как у Ливия это процесс постепенный. Не устранение внешней угрозы и *ambitio* стали в его глазах причиной разложения, как у Саллюстия, а *avaritia luxuriaque* (Liv. I. Praef. 11). В целом же взгляд Ливия на римскую историю более оптимистичен, чем у его предшественника, и материал, в отличие от него, излагается в куда более возвышенной манере, рекомендованной Цицероном (с. 82–91, 109).

Построения Д. Кэйпаста, особенно о двойственности суждений Саллюстия, предстающей в конечном счете как диалектическое единство, весьма любопытны, позволяя лучше понять многогранность и неоднозначность его творчества как историка и политического мыслителя. В то же время некоторые тезисы ученого представляются спорными – например, оценки Саллюстием риторики как одного из признаков разложения. Ведь из его текста не следует, что иной смысл придают словам именно риторы. Требуется поправка и трактовка автором отношения Цицерона к народным выступлениям – оно основывается на оценке весьма давних событий и потому носит скорее теоретический, «антикварный» характер. То же касается и суждений о взгляде Саллюстия на внутренние конфликты как на нечто, при известных условиях могущее принести пользу. Он как будто сочувствует борьбе плебеев с патрициями, признавая ее справедливой (Jug. 31. 14; Hist. I. 11; III. 48. 15 и 26), но не говорит о ее благотворном влиянии на развитие *civitas*, лишь сдержанно заметив, что конец ей положила 2-я Пуническая война (*discordiarum et certaminis utrimque finis fuit secundum bellum Punicum*: Hist. I.

¹⁸ Здесь *pauci*, естественно, нужно воспринимать в буквальном смысле, отличающемся от того же слова в политическом контексте, где оно несет негативную окраску (Ramsey 2007, 213).

11). Если вспомнить о положительном воздействии внешней угрозы на общину, то логично рассматривать эти *discordia* и *certamen* как нечто нежелательное¹⁹.

Интересующей нас теме посвящена диссертация Дженнифер Герриш «“История” Саллюстия и историография эпохи триумvirата»²⁰. Автор согласна с тезисом Р. Сайма о том, что эта эпоха может быть выделена в самостоятельный период римской литературы – именно тогда появились «Эклоги» и отчасти «Георгики» Вергилия, «Эподы» и первая книга «Сатир» Горация, первая книга элегий Проперция, биографический труд Корнелия Непота и др. Особое место в этом ряду занимают произведения Саллюстия (с. 30–33). Во многом они являют собой реакцию на высказывания Цицерона по поводу историописания. Если смотреть сугубо конкретно, то Цицерон (*Fam.* V. 12) просил Лукция изобразить его главным героем в деле разгрома Катилины, Саллюстий же, не отрицая его роли, отвел ему гораздо более скромную роль, чем того хотел сам оратор. В широком же смысле Цицерон считал задачей воспевание побед Рима, создание положительных примеров, наставление аудитории с помощью *exempla*. Однако Саллюстий не намерен показывать образ Рима-победителя, ибо его куда больше беспокоит падение нравов сограждан и вызванные им гражданские войны. Нет смысла и в положительных примерах, ибо римляне, испорченные *ambitio* и *avaritia*, в большинстве своем не в состоянии следовать *exempla bona*. Наконец, Саллюстий предпочитает пышной ораторской манере, рекомендуемой Цицероном, стиль неровный, «рванный», оставляющий место для двусмысленностей (с. 1–10).

Но почему Саллюстий не обратился к современным ему событиям? По мнению Дж. Герриш, хотя триумвиры и не преследовали оппозиционных писателей подобно Нерону, автор *Historiae* сознавал возможность репрессий с их стороны и решил не рисковать. Его сочинения были рассчитаны не на рядового читателя, а на людей проницательных, способных понять его намеки. Рассматривая события 70-х годов, Саллюстий, как и Фукидид, исходил из повторяемости стасиса. И вновь здесь расхождение с Цицероном, который считал, что римляне извлекли уроки из событий времен Суллы (*Cat.* II. 20). Саллюстий же показывает обратное – смута началась вновь. И Цицерон, и «освободители» (т.е. убийцы Цезаря), и триумвиры на словах «спасали» или «восстанавливали» Республику, на деле же речь шла о личных и «партийных» интересах. Рассказ о современных Саллюстию событиях нашел отражение в самых различных эпизодах его сочинений. Возникновение и распад триумvirата в Нумидии (Югурта, Адгербал, Гиемпсал) после смерти Миципсы – напоминание о судьбе первого триумvirата. Поход Метелла на Талу и победа над природой – параллель походу Катона через ливийскую пустыню: оба – гордые нобили, не признающие поражения и тешащие себя пустыми надеждами, но в действительности потерпевшие поражение и на войне, и в политике²¹. Ситуация 78 г. с восстанием Лепида, зачинщика новой *bellum civile*, вызывала ассоциации с вторжением в Италию Цезаря и Октавиана. В своей речи плебейский трибун Лициний Макр описывает ситуацию в Риме в 70-е годы как борьбу клик за господство над народом при формальном отсутствии гражданской войны – совсем как в 30-х годах при триумвирах, когда провозглашался мир, но на деле не прекращалась кровавая распря (с. 17–25).

Имея возможность (опять-таки в соответствии с рекомендациями Цицерона) сделать положительных героев из многих персонажей «Истории», Саллюстий тем не менее предпочитает создавать двойственные образы. Дж. Герриш в отличие от многих ученых не считает, что Серторий изображен Саллюстием в благоприятном для него свете. Прежде всего он олицетворяет собой угрозу ремеслу историка – похваляясь своими подвигами и выбитым в бою глазом как постоянным напоминанием о них, он тем самым как бы демонстрирует, что не нуждается в услугах *scriptores rerum* для сохранения собственной славы. Здесь автор усматривает параллель с триумвирами, которые также сами создавали себе рекламу без помощи историков намного успешнее своих предшественников. В связи с этим Дж. Герриш предпологает, что взгляды Саллюстия на занятие историей изменились. И не случайно, по-видимому, во введении к *Historiae* отсутствуют рассуждения на сей счет, которые мы видим в «Заговоре Катилины» и «Югуртинской войне». Превращение Серторием

¹⁹ Необходимо также отметить игнорирование автором иноязычной литературы, которая представлена всего двумя работами (при этом полностью отсутствует важнейшая для данной темы немецкая историография), да и в английской имеются серьезные упущения (см. Zarecki 2012) – тенденция, увы, характерная для многих авторов из англоязычных стран.

²⁰ Gerrish 2012.

²¹ Явная натяжка – Метелл не потерпел поражение в войне, а лишь *не успел* ее закончить из-за интриг Марка, чего Саллюстий и не скрывает. Обращает на себя внимание похвала писателя Метеллу именно как полководцу (*Iug.* 76. 1) – по выражению К. Бюхнера, высшая из всех, которую можно вознести человеку (Büchner 1953, 48).

Испании в *altera res publica* демонстрирует падение роли Рима как центра государства – вспоминается, с одной стороны, Цицерон, для которого «столичный» статус Вечного города был основой стабильности государства, а с другой – Цезарь и Антоний, из которых первый будто бы хотел править римской державой из Трои, а второй обосновался в Александрии. Герриш проводит здесь параллель с обсуждением переселения в Вейи у Ливия, против чего выступил Камилл. Если Ливий описывал этот сюжет в те же годы, когда создавал свой последний труд Саллюстий, то перед нами реакция обоих историков на соответствующие настроения в Риме в ту пору. Другим их отражением стал сюжет с предполагаемым удалением Сертория на Острова Блаженных, заставляющий вспомнить XVI эпод Горация; аналогичные мотивы прослеживаются и в «Георгиках» Вергилия (II. 195–199). В то же время, если исходить из опиравшегося на Саллюстия Плутарха, Серторий не собирался оставаться в Испании навсегда и готов был возвратиться в Италию при благоприятном изменении ситуации.

Во время гражданской войны Серторий ищет славы человека доброго и справедливого (*dum inter arma civilia aequi bonique famas petit* – Hist. I. 90), что вызывает в памяти оценку Катона (Cat. 54. 6), который стремился быть добродетельным, а не *казаться* таковым (*esse quam videri bonus malebat*)²². К Серторию больше подходит второе. И если в годы Союзнической войны он показал себя достойно, то гражданскую войну он продлил, вступив к тому же в союз с лузитанами. Будучи одноглазым, Серторий попал в один ряд с такими полководцами, как Филипп II, Антигон Монофталм, Ганнибал – это прекрасные военачальники, но последний из названных – лютый враг Рима, с которым его и сравнивали кельтиберы, хотя неясно, писал ли про это Саллюстий. Параллель с Ганнибалом может быть продлена, ибо он африканец, а это напоминание об Антонии, «осевшем» в Египте, Серторий оказывается, таким образом, чем-то вроде связующего звена между карфагенским полководцем и триумвиром (с. 57–59, 65–115).

Другой интереснейший персонаж *Historiae* – Спартак. Именно Саллюстию обязаны мы тем его образом, который дошел (пусть и с различными изменениями) до наших дней. До той поры восстания рабов не называли именами их предводителей, которые в рассказах античных авторов походили один на другого (вспомним руководителей сицилийских восстаний у Диодора). У Саллюстия Спартак не просто яркая личность – подобно римским полководцам, он ведет скорее *bellum iustum*, нежели *servile*. На его примере, считает Дж. Герриш, Саллюстий показывает, что историк может возвышать (или наоборот) того, кого считает нужным – ситуация, обратная той, что мы наблюдали в связи с Серторием, который сам создает себе репутацию, не нуждаясь в усилиях *scriptores rerum*. Казалось бы, отличный случай создать *exemplum bonum*, однако, как и в случае с Серторием, образ Спартака носит двойственный характер. Он – предводитель *latrones*, в чем Герриш видит отзвук пропаганды 30-х годов, когда этим словом называли Антония, Секста Помпея и их приверженцев. (Правда, отмечается, что в сохранившемся тексте *Historiae* повстанцы не названы *latrones*, но ведут себя именно как таковые, творя грабежи и насилия. Думается, в такой ситуации от рассуждений о данном термине лучше было бы воздержаться.) Спартак – гладиатор, чей образ в Риме воспринимался неоднозначно. С одной стороны, гладиатор – презирующий смерть стойкий боец, способный быть примером для римских граждан, с другой – это синоним головореза, охотно применявшийся к Антонию его врагами.

При описании раскола среди восставших нашли отражения мотивы раскола римского общества – сначала движение возглавляют Спартак, Крикс и Эномай, последнего настигает смерть в бою, а со вторым Спартак ссорится, и Крикс, отделившись от него, также гибнет. То же произошло с Ганником и Кастом, что привело к распаду второго «триумвирата» в руководстве восставших и их ослаблению. Это, естественно, должно было вызывать в памяти римлян судьбу первого триумвирата и борьбу внутри второго, а также его распрю с Секстом Помпеем. Идея очевидна – любая мощь обречена, если ее подтачивают изнутри раздоры (с. 116–175).

И, наконец, Помпей Магн, который, возможно, являлся главным персонажем «Истории». Он, как и Лукулл, в погоне за славой не желавший сдавать командование, – опасный эгоист, сильно напоминающий «героев» 30-х годов, особенно Октавиана. Помпей у Саллюстия, похоже, считал, что достоин божественных почестей – опять-таки как и видные деятели 30-х годов (Антоний, Октавиан, Секст Помпей). Его сравнивали с Александром, да и сам он активно проводил эту параллель, Александр же, как известно, был весьма падок до лести (Plut. Alex. 23.7). При этом, как отмечает Дж. Герриш, Помпей льстил народу, а народ – Помпею, что создавало нездоровую взаимозависимость. Это свидетельствует о падении нравов не только верхушки, но и плебса, о чем Саллюстий писал и раньше (Iug. 41. 5); о моральном разложении простонародья говорит и его готовность быть *ministra cupitis*

²² Противопоставление, восходящее еще к Эсхилу (Sept. 592; Ramsey 2007, 216).

Помпея (Sall. Hist. IV. 47). Что же касается Александра, то сравнение с ним возникает в случае с вопросом о чрезвычайном командовании Помпея – Цицерон (De imp. Cn. Pomp. 59–60) считал необходимым использовать таланты полководцев на благо государства, пока те живы, и не видел ничего дурного в том, чтобы доверить все одному из них, т.е. Помпею, Саллюстий же проводил параллель с Александром, которого никто не смог заменить, а после его смерти которого началась смута в созданной им державе²³. Особое внимание Герриш привлекает характеристика Помпея как *oris probi animo invecundo* (Hist. II. 16). Слово *invecundus* попадает у Саллюстия только здесь и во многом является антонимом слова *modestus*, которое встречается в реплике II. 17 применительно к тому же Помпею – *modestus ad alia omnia, nisi ad dominationem*, и едва ли нужно говорить о его отрицательных коннотациях.

И еще один важный аспект: Помпей в глазах Саллюстия, по мнению Дж. Герриш, также обесценивает усилия историков, ибо стремится создать себе должную репутацию без их помощи: он увековечивает свои победы памятниками в честь взятия будто бы 876 (!) *oppida ab Alpibus ad fines Hispaniae ulterioris* (Plin. NH. III. 18), за восхваление своих деяний поощряет поэта (не историка!) Феофана, представляет войну с Серторием как *bellum externum*²⁴, что вызывает в памяти аналогичные попытки Цезаря во время его триумфов 46–45 гг. Наконец, в письме сенату он утверждает: «К чему мне после этого перечислять данные мной сражения или зимние походы, разрушения или возвращения городов, когда сами дела имеют больше значения, чем слова (*quando res plus valet quam verba*)» (Sall. Hist. II. 98. 6). Он угрожает явиться в Италию с войском, и тогда консулы отправляют ему подкрепления и деньги. «В своем письме сенату Помпей, в сущности, доказывает, что язык слишком ненадежен, чтобы с его помощью достичь нужного эффекта; теперь слова должны подкрепляться угрозой, чтобы добиться какого-либо результата» (с. 2, 182). Обесценивая роль историографии и подменяя ее угрозами, Помпей, по мысли Дж. Герриш, создает прецедент для деятелей 30-х годов. Такое отношение к труду историка она связывает с возможной переменой отношения Саллюстия к положению *scriptor rerum* в римском обществе в 30-х годах. Не исключено, что именно этим, а не плохой сохранностью текста обусловлено отсутствие во введении к *Historiae* рассуждений о важности историописания, которые мы видим в более ранних его сочинениях. Это во многом связано и с искажением языка, о чем писал Фукидид. Данное искажение в экскурсе о смуте на Керкире греческий автор нейтрализует, показывая, что «во власти историка поставить истину выше оправданий и мотивов персонажей своего труда» (с. 244). Саллюстий во многом идет по стопам Фукидида, но куда более склонен к двойственности и полутонам – даже глубоко несимпатичный ему Помпей, *invecundus* в душе, *probus* хотя бы по видимости, он рвется к *dominatio*, но в остальном *modestus*. И эта двойственность получит развитие в последующей римской историографии (с. 176–248).

Нельзя не отметить солидную проработку источникового материала Дж. Герриш, отлично знающей как тексты античных авторов, так и современную историографию, причем не только англоязычную. Немалый интерес вызывают ее соображения относительно роли историка, сравнений с Фукидидом, полемики с Цицероном, параллелей с событиями 50–30-х годов. В то же время трудно согласиться с ее суждениями об изменении взглядов на место *scriptor rerum* в римском обществе. Считая, что Серторий и Помпей демонстрируют пренебрежение усилиями историков, сами себе создавая репутацию, исследовательница не учитывает того очевидного факта, что *scriptor rerum* влияет на репутацию того или иного деятеля обычно уже после его смерти, и Саллюстий, подчеркивая важность истории, ясно давал понять, что имел в виду прежде всего славу в веках (Cat. 8). К тому же Помпей вовсе не отдает предпочтение угрозам, ибо угрозы нужны ему только для ближайших целей – получения денег и воинов, что же до риторического вопроса *quid deinde proelia aut expeditiones etc.* и против поставления *verba – res*, то оно вообще непонятно: задав упомянутый вопрос, Помпей свои *res gestae* тут же перечисляет, и странно в словах *quando res plus valet quam verba* видеть нечто большее, чем обычную риторику. То, что он ставил трофеи в честь своих побед и распространял нужную ему версию войны, еще более естественно, и нет доказательств, что Саллюстий видел в этом нечто большее, чем просто саморекламу, пусть и не вызывающую в его глазах одобрения. Таким образом, тезис о том, что у Саллюстия изменились взгляды на историографию, требует более

²³ Явная параллель известному эпизоду: когда Кв. Лутаций Катул спросил, кого назначат вместо Помпея, «человека даже слишком выдающегося для свобод ного государства» (*praeclarum sed nimium iam liberae rei publicae*), если с ним что случится, «“Тебя, Квинт Катул!” – провозгласило собрание в один голос» (Vell. II. 23. 1; пер. А.И. Немировского. Также см. Dio Cass. XXXVI. 36a).

²⁴ Именно указанием на это заканчивает свое повествование о Сертории Флор (III. 22. 10), что отмечает и Дж. Герриш (с. 228).

веских аргументов. В связи с этим также представляется, что Герриш несколько сгустила краски в отношении образа Сертория – не доказана его позиция *contemptor scriptorum rerum*, как и его противопоставление Катону, поскольку нам неизвестен контекст фрагмента *Hist. I. 90*, сравниваемого с *Cat. 54. 6*. Впрочем, эти спорные суждения подчас являются лишь продолжением достоинств работы Герриш.

В статье «Матрицы времени и круговращение зла в историописании Саллюстия» София Папайоанну обратилась к теме исторического времени у Саллюстия²⁵. Подобно Фукидиду (*I. 22. 4*), считавшему, что исторический опыт ввиду повторяемости ситуаций и событий может пригодиться в будущем, Саллюстий рассматривал исторический труд как руководство к действию для политика-практика, особенно в ситуации все более усугублявшегося кризиса Республики (с. 115). Исходя из того, что у Саллюстия цикличная и линейная модели времени переплетаются и взаимопроникают (с. 119), Папайоанну анализирует «Югуртинскую войну» и «Заговор Катилины», которые она считает диалогией (с. 131), пытаясь ответить на вопрос: в чем писатель видел истоки зла, погубившего Республику? Констатируя, что для Саллюстия такими истоками являлись пороки нобилитета (*arrogantia, superbia* etc.), и рассматривая в этой связи созданные историком образы врагов Рима – Югурты и Катилины, Папайоанну проводит параллели между Саллюстием и Цицероном (с. 128). Последний видит в Катилине личность, в которой пороки сочетались с достоинствами. Мысль оратора состояла в том, что зло опаснее всего тогда, когда оно сочетается с незаурядными дарованиями (*Cic. Cael. 12–14. Ср. Cat. I. 26; II. 9; III. 16*). Сходным образом Саллюстий описывает характеры Катилины и Югурты как пример смешения пороков и достоинств (*Cat. 5. 1–4; Jug. 6. 1; 7. 4–5*).

С. Папайоанну подчеркивает, что моральная деградация Югурты стала следствием нравственного падения римских олигархов (с. 130). Хотя нумидийский царь и был побежден, он тем не менее ускорил крах Республики, так как именно с его пленением началась вражда между Марием и Суллой, которая в дальнейшем привела к гражданской войне (заметим, что Саллюстий ничего подобного не пишет). Таким образом, историк сближает двух своих главных героев – Югурту и Катилину (с. 131). Папайоанну сопоставляет описание Ганнибала у Ливия (*Liv. XXI. 4. 3–9*) с характеристиками Югурты и Катилины у Саллюстия. Все трое – смертельные враги Рима, бросившие ему нравственный вызов. Югурта у Саллюстия – «сознательная имитация Катилины», а образ Ганнибала у Ливия во многом создан по образцу саллюстиевых Катилины (здесь не мешало бы сослаться на Дж. Хлапа) и Югурты (с. 134). Поэтому современники Саллюстия и Ливия, читая «Югуртинскую войну» и характеристику Югурты, вспоминали «Заговор Катилины» и описание его главного героя, когда же они читали о Ганнибале в XXI книге *Ab Urbe condita*, то сопоставляли ее с описанием Югурты и Катилины у Саллюстия. Так в римской литературной традиции «оживало» прошлое, а читатель приходил к выводу о том, что будущее похоже на прошлое, время циклично и история повторяется (с. 135).

Только что увидела свет и статья отечественного автора, А.Б. Егорова, «Фукидид и Саллюстий (опыт сравнительного анализа)»²⁶. Ученый указывает, что римский писатель наверняка был знаком с трудом Фукидида, но ни разу не упоминает его, да и доказанных заимствований немного. Тем не менее А.Б. Егоров признаёт значительное прямое и косвенное влияние афинского историка на римского. В отношении стиля наиболее яркий пример – речи. Кроме того, оба были мастерами характеристик персонажей, но если у Фукидида это делается через описание их действий, то у Саллюстия всегда предшествует им, «а потому является некоей установкой для читателя». К тому же «мир Саллюстия – черно-белый, состоящий из “героев” и “антигероев”. Личность может быть персонификацией определенной группы, прежде всего – ненавистного историку нобилитета» (с. 239). Признавая значительное сходство между обоими авторами, А.Б. Егоров в заключение указывает, что Фукидид ищет истину, Саллюстий же ее знает. «Приоритет Фукидида – это все-таки приоритет исследования и установления фактов такими, какими они были на самом деле, приоритет Саллюстия – это приведение фактов в соответствие с готовой схемой» (с. 240).

Многие наблюдения А.Б. Егорова, особенно его заключительный вывод, представляются верными. Однако трудно согласиться с мнением о «черно-белом мире» и героях и антигероях Саллюстия, ибо у него отсутствуют идеальные персонажи, да и отрицательные, как мы видели, отнюдь не лишены достоинств²⁷.

²⁵ Papaioannu 2014, 113–139.

²⁶ Egorov 2015, 219–245. Это уже вторая статья А.Б. Егорова о Саллюстии (первая вышла в 1979 г.).

²⁷ Еще один наглядный пример наряду с образами Катилины и Югурты – характеристика Суллы (*Sall. Jug. 95; Büchner 1953, 59*).

В заключение можно отметить, что данная тематика еще далека от исчерпания, и в процессе ее исследования удастся выявить немало новых граней творчества Саллюстия, позволяющих лучше понять его место в античной историографической традиции. И хотя авторы рассмотренных трудов нередко склонны к умозрительным построениям, в целом их работы написаны на высоком научном уровне, что вселяет надежду на дальнейшие успехи в изучении данной проблематики.

Литература/References

- Adler, E. 2006: Who's Anti-Roman? Sallust and Pompeius Trogus on Mithridates. *Classical Journal* 101. 4, 383–407.
- Adler, E. 2011: *Valorizing the Barbarians: Enemy Speeches in Roman Historiography*. Austin.
- Büchner, K. 1953: *Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum*. Wiesbaden.
- Büchner, K. 1982: *Sallust*. Heidelberg.
- Chlup, J. Th. 2004: *Beyond the Foreigner: Representations of non-Roman individuals and communities in Latin historiography, from Sallust to Ammianus Marcellinus*. Diss. Ph.D. Durham.
- Chlup, J. Th. 2013: Sallust's Melian Dialogue: Sulla and Bocchus in the *Bellum Iugurthinum*. *Dialogues d'Histoire Ancienne* 8, 191–207.
- Egorov, A.B. 1979: [Political Ideas of Sallust]. In: *Antichnyy polis [Ancient polis]*. Leningrad, 101–124.
- Егоров, А.Б. 1979: Политические взгляды Саллюстия. В сб.: *Античный полис*. Л., 101–124.
- Egorov, A.B. 2015: [Thucydides and Sallust (Comparative Analysis)]. In: *Mnemon*. Issue 15. Saint Petersburg, 219–242.
- Егоров, А.Б. 2015: Фукидид и Саллюстий (опыт сравнительного анализа). В сб.: *Мнемон*. Вып. 15. СПб., 219–242.
- Gerrish, J. 2012: *Sallust's Histories and Triumviral Historiography*. Diss. Ph.D. [Philadelphia].
- Heldmann, K. 1993: *Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell in 'Catilina' und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie*. Stuttgart.
- Kapust, D.J. 2011: *Republicanism, Rhetoric, and Roman Political Thought: Sallust, Livy, and Tacitus*. Cambridge–New York.
- Korolenkov, A.V. 2009: [On an Interpretation of the Mithridate's Letter in Sallust *Historiae*]. In: *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-elli nis ticheskom mire [Politics, Ideology, and Writing of History in the Roman and Hellenistic World]*. Kazan, 109–116.
- Короленков, А.В. 2009: К характеристике письма Митридата в *Historiae* Саллюстия. В сб.: *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире*. Казань, 109–116.
- McGing, B.C. 1986: *The Foreign Policy of Mithradates VI Eupator King of Pontus*. Leiden.
- Papaioannou, S. 2014: Matrices of Time and the Recycling of Evil in Sallust's Historiography. *Epekeina* 4. 1–2, 113–139.
- Ramsey, J.T. 2007: *Sallust's 'Bellum Catilinae'*. Oxford.
- Zarecki, J.P. 2012: [Rev.] Daniel J. Kapust, *Republicanism, Rhetoric, and Roman Political Thought: Sallust, Livy, and Tacitus*. Cambridge; New York, 2011. *Bryn Mawr Classical Review* 2012.07.29.

Anton V. Korolenkov,
Akademizdatcenter "Nauka",
Moscow, Russia
sallust@list.ru

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук,
Академиздатцентр «Наука»,
Москва, Россия

Vladimir O. Nikishin,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
cicero74@mail.ru

В.О. Никишин,
кандидат исторических наук,
кафедра истории древнего мира МГУ
им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия